

Раздел II. ИСТОРИЯ

УДК 276

Киреев М. А.

магистрант Калужской духовной семинарии
e-mail: mixail.kireev.89@mail.ru

Kireev M. A.

Student of the Kaluga Theological Seminary
e-mail: mixail.kireev.89@mail.ru

ГЛИНСКАЯ РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЦКАЯ ПУСТЫНЬ И СВЯТИТЕЛЬ ФЕОФАН ЗАТВОРНИК

GLINSKY HERMITAGE NAMED AFTER THE NATIVITY OF THE MOST-HOLY MOTHER OF GOD AND ST. THEOFAN THE RECLUSE

Аннотация. В статье приводится переписка настоятеля Глинской Рождество-Богородицкой пустыни игумена Исаии (Гомолко) (в схиме Иоанникия, настоятельствовав в период с 1888 по 1912 гг.) со святителем Феофаном Затворником об устройении нового Дальнего (Илиодоровского) скита. Святитель дает определение, раскрывает цель, задачи, значение, сущность жизни в скиту и необходимое условие для желающих туда поступить.

Abstract. The article contains the correspondence of the father superior of the Glinsky Hermitage, Abbot Isaiah (Gomolko) (in the schima named Ioannikii, insisted from 1888 to 1912) with St. Theofan the Recluse on the establishment of a new Far (Iliodorovsky) skete. The saint gives a definition, reveals the goal, tasks, significance, essence of

life in the monastery and the necessary condition for those who want to enter there.

Ключевые слова: святитель Феофан Затворник, игумен Исаия (Гомолко), Илиодоровский скит, Глинская Рождество-Богородицкая пустынь.

Key words: St. Theofane the Recluse, hegumen Isaiah (Gomolko), Iliodorovsky skete, Glinsky Hermitage named after the Nativity of the Most-Holy Mother of God.

В начале XVI века недалеко от города Курска была основана знаменитая Глинская Рождество-Богородицкая пустынь. На протяжении многих веков этот монастырь являлся могучим духовным центром. Обитель вела многогранную деятельность (просветительскую, благотворительную, патриотическую, миссионерскую и др.). Со временем в ней был накоплен большой духовный опыт. Неудивительно, что многие восторженно отзывались о ней. Наши святые, архиереи, известные церковные историки издавна отмечали огромное нравственное влияние этой обители. Известный исследователь истории Глинской пустыни схиархимандрит Иоанн (Маслов) писал: «Преподобный Серафим Саровский называл Глинскую пустынь «великой школой духовной жизни», алтайский миссионер преподобный Макарий (Глухарев) — «школой Христовой, светлейшей точкой на земле», архиепископ Ювеналий (Половцев) — «идеалом христианского богослужения и местом духовного подвига», митрополит Антоний (Храповицкий) — «лучшей обителью», а Глинских старцев — «украшением монашества» [1, с. 11]. Святитель Филарет (Дроздов) писал, что «Глинская пустынь процветает благодатью» [4]. «В житии преподобного Паисия сказано, что Глинская пустынь была продолжательницей духовного наследия самого старца Паисия и вместе с Оптиной «определяла духовное возрождение русского народа в XIX веке» [4].

Русский святой, подвижник, духовный писатель святитель Фео-

фан Затворник также не мог обойти вниманием эту благодатную обитель. Сохранилась его переписка с настоятелем монастыря игуменом Исаией (Гомолко) (в схиме Иоанникием, настоятельством в период с 1888 по 1912 гг.) [1, с. 369–371]. Отец Исаия представил святителю Феофану составленный им устав нового Дальнего (Илиодоровского) скита и просил советов по его правильному устройству. Скит был основан в 1893 году в трех километрах от обители, на том месте, где совершал свои подвиги преподобный Илиодор (Голованицкий). Сам отец Исаия был замечательным подвижником своего времени: аскет, молитвенник, известный церковный деятель. Он прославлен Господом за свои подвиги. Доподлинно известно, что, претерпев клевету и лишение настоятельства, уходя из монастыря, он прошел по разлившейся реке, как по земле. «Так Господь прославил Своего угодника и всем открыл святость его жизни и несправедливость возведенных на него обвинений» [2, с. 298] (причислен к лику святых на Архиерейском Соборе в 2017 году).

Святитель Феофан в ответных письмах (два письма к Исаии (Гомолко), игумену Глинской Рождество-Богородицкой пустыни Курской епархии за 30 августа и 1 ноября 1893 г.) дает ценные советы по благоустройству скита. Он весьма хорошо отзывался о пустыни, указывая, что она является свидетельством сохранения на земле истинного монашества: «О пустыни Вашей я слышал; Вы подтвердили теперь все доброе, что я слышал. Благодарение Господу: иночество живо еще на православной Руси. Да хранит его Господь в постоянно добром устроении» [3, с. 149].

В одном из своих писем святитель дает определение скита: «Скит есть обителище живущих исключительно внутреннюю жизнь» [3, с. 154]. Также он пишет о его значимости для монастыря: «Он цвет иноческой жизни, свидетельствующий, что тут водятся и плоды ее» [3, с. 149]. В первом письме святитель Феофан обращает внимание на цель скита — «преуспеяние во внутренней жизни» [3, с. 150]. Из этого видно, что перед скитом ставится серьезная задача — воспитать, возрастить настоящий «цвет» монашества, подвижников, старцев. А для этого нужно грамотно разработать устав жизни.

Хотя сначала святитель признает себя некомпетентным в данном вопросе, говоря: «Вы спрашиваете у слепого. Я не видел и общей монастырской жизни, а не только скитской, и по опыту не знаю ни той, ни другой», но все же подвижник, имеющий от Бога просветленный ум и воспринявший опыт святых отцов Церкви, соглашается: «Скажу, однако ж, слово-другое по соображению» [3, с. 150].

По мнению Феофана Затворника, жители скита должны большую часть дня проводить в подвигах молитвы и поста. Он полагает, что цели скита не соответствуют крестный ход из обители в скит (многолюдство, шум), многочисленные поминания при чтении неусыпаемой Псалтири (которые он советует перечитывать на смене чтецов или хотя бы после целой кафизмы (до того читали на каждой «славе»), или вовсе переносить в келейный «Помянник»), а также занятие насельников скита садом и пасекой. Последние он предлагает поручить кому-нибудь из братии монастыря или даже наемному садовнику: «...так поставить дело садоводства, чтоб оно не занимало скитников. Пусть управляется с ним садовник» [3, с. 152]. Даже территорию сада и пасеки нужно было отгородить, чтобы шум и даже вид работ не отвлекал братьев: «...скитских корпусов, домов или келий — сад отделяется особою стеною, за которою не видны и не слышны работы» [3, с. 153], «Здания же скитские отделяются от сада особою стеною... с калитками» [3, с. 153]. Святитель напоминает древнейшее установление, которое пошло от Великого Пахомия (которому устав был передан ангелом), что в келиях монахи должны заниматься, помимо молитвы и чтения, рукоделием. При этом оно также допускается не всякое: следует «не допускать хлопотливых, — к числу коих относится пчеловодство и садоводство. Лучше — те, кои можно совершать, не выходя из келии» [3, с. 150]. Даже пекарское послушание советуется упразднить: «Хлебопеков и просфорников не нужно. Будут привозить из Пустыни» [3, с. 153]. Первое письмо завершается словами: «Потрудитесь отклонить все, могущее отвлекать братий от внутренней жизни», чем выражается вся суть скитской жизни, жизни безмолвной.

По той же причине особое внимание уделяется ограничению

посетителей, не только женщин, но и мужчин. «Позволение приходить мужчинам кто хочет, ничему доброму установиться не даст» [3, с. 151], — пишет святитель и удивляется, зачем это вообще нужно, ведь богослужение ежедневно совершается и в самой пустыни: «Зачем? Общая служба в Пустыни есть, и литургия там всегда. Зачем же? За советом?!» А для тех, кто ищет духовного наставления, предлагается «построить приемную для ищущих совета, — особую, за воротами при привратничкой» [3, с. 151]. Но для таких целей посетителей пускать не сразу, а дожидаться, «... чтобы образовались старцы зрелые» [3, с. 155]. Такой совет предостерегал скит от опасного, но нередкого явления — младостарчества — когда советы раздают по поводу и без повода еще не созревшие для этого люди. Скит же должен быть образцом истинной христианской духовности.

Для духовного возрастания «от славы к славе» (1 Кор. 3:18) святитель предлагает завести библиотеку с исключительно аскетическими книгами, а также советует организовать совместное чтение и обсуждение творений святых отцов. Феофан Затворник советует «общение братий, скитников и пустынников... также определить уставом» [5, с. 1237], чтобы множественными пустыми разговорами братия не отвлекались от главного — разговора с Господом [1, с. 369]. Для этого каждый в скиту живет строго по одному в келии: «В келии каждой один скитник живет, и сам себе послушник» [5, с. 1239–1240].

Владыка также напоминает о необходимости для духовного преуспевания монаха открытия помыслов духовнику, особенно пребывающему в уединении: «Открытие помыслов ежедневное многоплодно, и надо сделать его неотложным» [5, с. 1236]. В этом были согласны все святые отцы, ибо одним помыслом человек может быть увлечен в великое падение, а когда мы открываем помыслы, обличаем его, он нас покидает (ср. Лествица, ст. 23, 41).

Святитель важное внимание уделяет уединению, а также полной нестяжательности насельников нового скита: «...каждый скитник, один в келии. — Ничего нет у него, и ни полушки денег, — столик, табурет, или скамейка, койка, на коей рогожа или войлок... и все» [3, с. 151]. Нестяжание очень важно для монаха,

в особенности безмолвника, ибо по определению апостола Павла «любостяжание... есть идолослужение» (Кол. 3:5), то есть полностью занимает человека, обладает им незаметно для него самого, а Богу и мамоне одновременно служить невозможно (Лк. 16:13).

В связи с этим и рацион насельников скита владыка Феофан предлагает довольно суровый (ведь любостяжание и чревоугодие схожи, для чревоугодников бог — чрево (Фил. 3:19), вплоть до одного раза в день, а по постным дням и вовсе на хлебе и воде, в прямом смысле: «Кухня проста... Понедельник, среда и пятница — сухоядение: ломоть хлеба и кружка воды в 3 часа... В прочие дни щи и каша. Или одни щи, а каша только в субботу и воскресенье» [3, с. 153].

Святитель Феофан Затворник определяет условия, при которых человек поступает в скит. На первое место ставится желание и тяга к сугубому внутреннему деланию: «Главное, чтобы имел позыв и тяготение к внутрь пребыванию». «Скит назначается для преуспевания тем инокам, ...кои дошли до того, что чувствуют сильное влечение внутрь, чтобы быть там с единым Господом» [5, с. 1238]. К тому же человек должен пройти искус общей жизни с братьями в пустыни: «...тем инокам, кои дошли, после обычных подвигов внутренних и внешних...», «Боримый страстями не может иметь сказанного тяготения... и ему лучше излечиваться среди братства», «Для определения в Скит требуется, чтоб поступающий был терт и перетерт в Пустыни, а главное... имел тяготение внутрь» [5, с. 1240], «На безмолвие можно допустить всякого, у кого образовалось сказанное тяготение. Но оно бывает по утишении страстей. Следовательно, сомнительно в юных» [5, с. 1240]. Такая позиция соответствует мнению отцов Церкви, в частности преподобного Иоанна Синайского (см. «Лествица, ведущая от земли на небо», где ступень безмолвия стоит только после ступеней, ведущих к победе над страстями). При этом определять таких должен сам настоятель и притом лично, а не с советов других: «Это настоятель Пустыни должен узнать не со слов желающего, а собственным испытанием. Настоятель же определит: стоит ли нужду монастыря предпочесть или подчинить желание желающего поступить в Скит» [5, с. 1240].

Внешний распорядок должен в первую очередь быть полезным для внутреннего делания, располагать человека к этому, помогать ему на пути спасения. Скит должен стать своего рода высшей духовной школой. Соответственно люди туда должны поступать проверенные, готовые полностью отречься от мира и подчиниться столь тяжелому образу жизни. В письме святителем раскрывается сущность жизни в скиту: «Скитник, как перевалился чрез ограду внутрь Скита, пусть считает себя похороненным. Келия его — окно на небо... туда только пусть и смотрит и там свои помышления держит. На свете только и есть, что он да Бог, да братья по Богу...» [5, с. 1240].

Как известно, синод утвердил устав скита, составленный схиархимандритом Иоанникием (Гомолко) и одобренный святителем Феофаном Затворником, 4 августа 1893 г. Илиодоровский скит Глинской пустыни просуществовал до закрытия в 1922 году. За эти годы была на практике доказана духовная польза практиковавшегося в нем устава: сформировался целый сонм подвижников, таких как преподобный Архипп (Шестаков), преподобный Лука (Швец), схимонах Кирилл, иеромонах Феокист (Бородин), скитоначальник и другие.

Благодаря общению с настоятелем Глинской пустыни игуменом Исаией (Гомолко) духовное наследие святителя Феофана обогатилось важным разделом — учением об устройении скита при монастыре. В этом учении святитель дает определение, раскрывает цель, задачи, значение, сущность жизни в скиту и необходимое условие для желающих туда поступить. Это учение очень актуально, так как в настоящее время создается много скитов при монастырях как мужских, так и женских. И для того, чтобы жизнь в скиту была истинно духовной и формировала истинных подвижников, необходимо следовать указаниям святителя Феофана Затворника и образцу Глинского Спасо-Илиодоровского скита.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Принятые сокращения:

КЕВ — Курские епархиальные ведомости

ТЕВ — Тамбовские епархиальные ведомости.

1. *Иоанн (Маслов), схиархимандрит*. Глинская пустынь. История обители и ее духовно-просветительская деятельность в XVI–XX веках. М., 1994.
2. *Иоанн (Маслов), схиархимандрит*. Глинский патерик. 3-е изд. М., 2019.
3. Курские епархиальные ведомости. 1900. № 10.
4. *Маслов Н. В.* Православное учение о спасении по трудам Глинских старцев // *Азбука веры*. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/antropologiya-i-asketika/pravoslavnoe-uchenie-o-spasenii-po-trudam-glinskih-startsev/1> (дата обращения: 05.10.2021).
5. Тамбовские епархиальные ведомости. 1896. № 48.